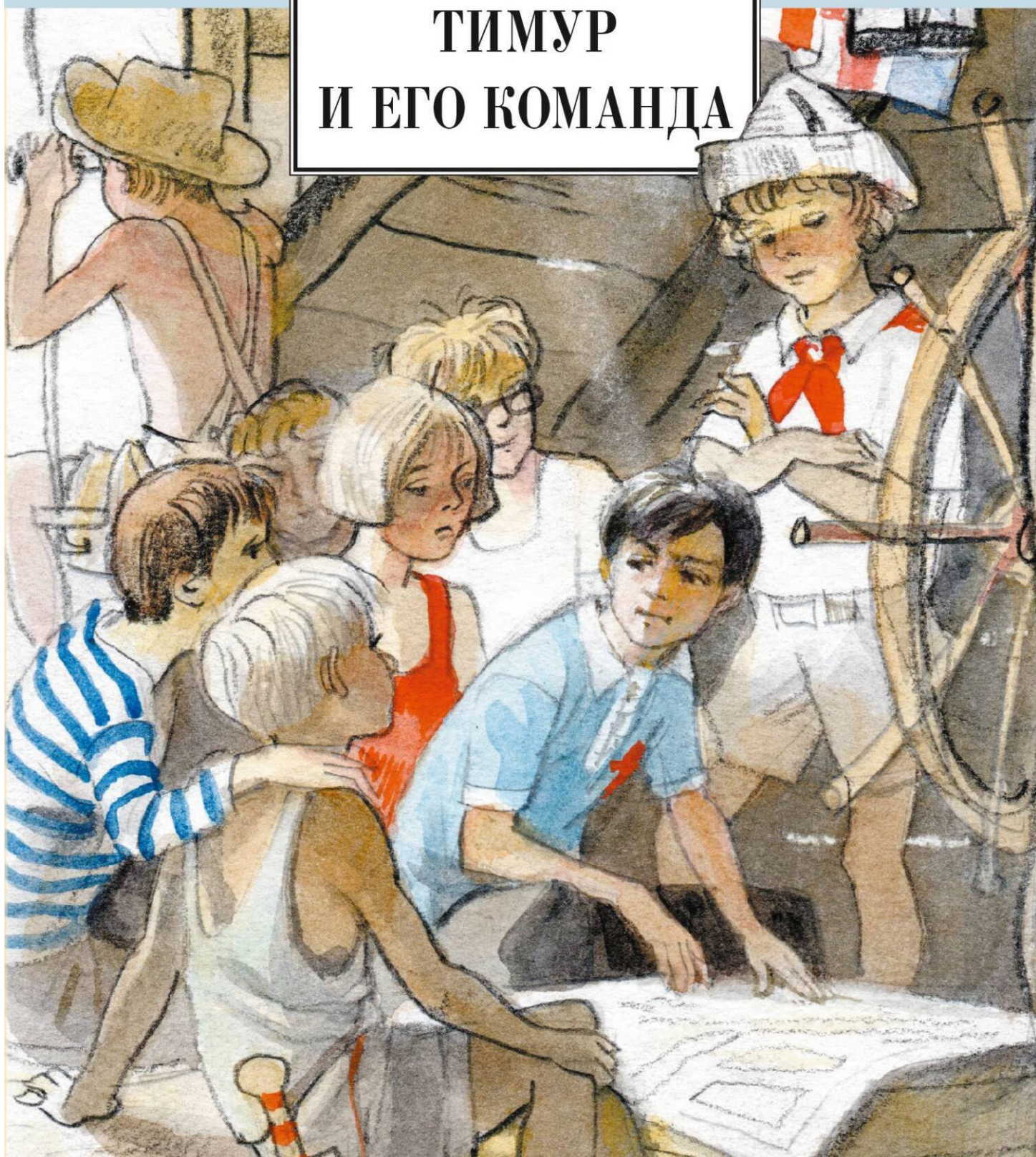

Аркадий Гайдар

ТИМУР

И ЕГО КОМАНДА

Школьная библиотека (Детская литература)

Аркадий Гайдар

Тимур и его команда

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гайдар А. П.

Тимур и его команда / А. П. Гайдар — Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-006972-7

В книгу входят широко известные и любимые детьми рассказы «Голубая чашка», «Дым в лесу» и «Чук и Гек», повесть «Тимур и его команда», а также быль, повествующая о жизни писателя Аркадия Гайдара. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006972-7

© Гайдар А. П.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Предисловие[1]	8
Быль	9
Обыкновенная биография в необыкновенное время	9
Обыкновенная биография	12
У переправы	15
Рассказы	18
Голубая чашка	19
Дым в лесу	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аркадий Гайдар
Тимур и его команда.
Быль, рассказы и повесть

Школьная библиотека

A handwritten signature in black ink, reading "Арк. Гайдар" (Ark. Gaidar). The script is cursive and stylized, with the first letters of each word being capitalized and prominent.

Аркадий Гайдар
1904–1941

Художники А. Ермолаев и А. Рытман

- © Смирнова В. И., наследники, предисловие, 1976
- © Веркау А. Р., иллюстрации, 1979
- © Ермолаев А. М., наследники, иллюстрации, 1941
- © Составление. Издательство «Детская литература», 1996
- © Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2016

Предисловие¹

В этой книге собраны произведения Аркадия Гайдара для школьников.

Первый рассказ «Р.В.С.» написан в 1925 году. Дети, читавшие его тогда, давно выросли. Друзья-товарищи Гайдара, знавшие его лично, стали уже стариками. Но в памяти нашей Гайдар навсегда остался молодым. Мы помним его высоким, статным, сильным, весёлым, в военной гимнастёрке и солдатских сапогах, в меховой куртке путешественника, с трубкой в зубах – и с целой свитой мальчишек, которые всегда собирались вокруг не-го, где бы он ни был.

Он погиб как солдат, с автоматом в руках защищая свою Родину от фашистских захватчиков, на фронте Великой Отечественной войны, осенью 1941 года. Смертью храбрых называет народ такую гибель бойца, отдавшего жизнь за родную землю, за мир, свободу и счастье людей.

Гайдар прожил недолгую жизнь, но полную походов и странствий, боевых тревог, лишений, радостей, встреч с людьми, весёлых выдумок и серьёзного раздумья – и постоянной упорной работы.

Он родился в маленьком русском городе Льгове в 1904 году в семье учителя, вырос и учился в Арзамасе. Четырнадцать лет, в 1918 году, вскоре после Октябрьской революции, он оставил родной дом и ушёл воевать против белых, воевать за революцию и советскую власть. Шесть лет Гайдар воевал на фронтах Гражданской войны. В семнадцать лет командовал полком. Несколько раз был ранен, сильно контужен в голову.

Гайдар любил революционную Красную Армию, она была для него и семьёй, и трудной жизненной школой, он хотел всю жизнь быть в её рядах. Но после контузии, после тяжёлой болезни в 1924 году ему пришлось оставить военную службу. Ему было тогда только двадцать лет. Надо было начинать жизнь заново, выбирать себе новое дело...

И он захотел стать командиром и учителем самого молодого отряда советских людей – детей, только вступающих в жизнь. Ему было о чём рассказать детям, он знал, чему и как надо учить их. Он хорошо знал этих мальчишек и девчонок, маленьких школьников и пионеров, хотел, чтобы они вырастали настоящими людьми, учил их быть храбрыми, честными, верными, дружить с хорошими людьми, бороться с плохими, не отступать перед врагом, уметь разглядеть далеко впереди яркие огни будущего.

Аркадий Гайдар стал писателем и написал замечательные повести для детей: «Школа», «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда» – и те рассказы, которые вы прочтёте в этой книге.

Герои рассказов и повестей Гайдара – такие же мальчишки и девчонки, как сами читатели. Они ваши ровесники и могли бы быть вашими товарищами...

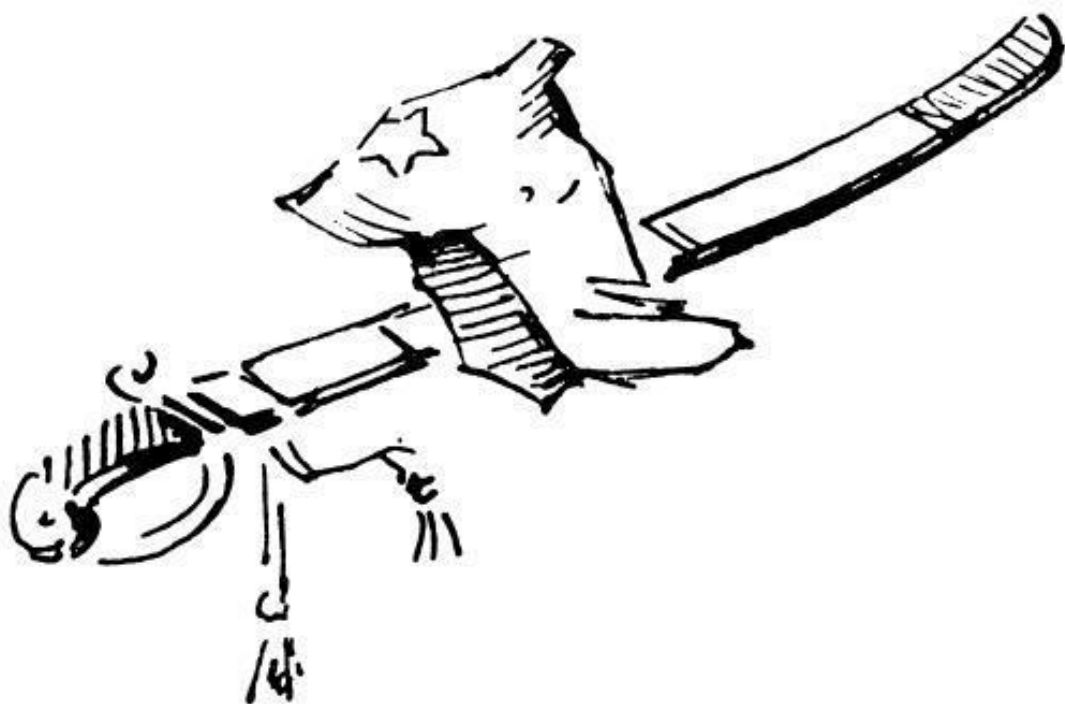
Вера Смирнова

---

¹ Предисловие даётся в сокращении.

Быль

Обыкновенная биография в необыкновенное время

Мне было десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война.

Отца с первых же дней забрали в солдаты.

Помню: забежал он к нам ночью в серой шинели. Поцеловал и ушёл. Бабка зажгла зелёную лампадку, и мы – трое ребятишек, – стоя на коленях, крепко молились. О чём – не помню.

Мать была фельдшерницей. Я только что поступил в первый класс реального училища. Через месяц я сбежал пешком к отцу на фронт.

На фронт я, конечно, не попал и был задержан на станции Кудьма, в девяноста верстах от своего города.

Когда меня, усталого и голодного, задержали, то я и сам был рад, потому что на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось домой, но самому вернуться было стыдно.

Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков.

Заводов там не было. Зато стояли четыре монастыря, и через город всегда тянулись вереницы Божьих странников и странниц в знаменитую Саровскую пустынь.

Учился я неплохо. Слаб был только по чистописанию да по рисованию. В этих науках что-то слабоват я и до сих пор.

Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди.

Пристал я к ним случайно, скорее, из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. Не боялись ни торжественной церковной анафемы, то есть проклятия, которой при громе всех колоколов предавали их епископы Олег и Варнава.

Не смущали их озлобленные крики всех этих мясников, лабазников, которые со злобой шатались по митингам и собраниям.

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики.

Но что такое большевик, по-настоящему понял я только намного позже.

Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак и всегда верчусь около.

Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то.

А я бегал, относил, вызывал, а сам всё слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось всё понятней и понятней, особенно после того, как побывал я с ними на митингах в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих.

Но самое большое доверие мне было оказано тогда, когда в октябре 1917 года разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим – для связи.

Я ушёл в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было ещё четырнадцати лет.

Я был рослым, крепким мальчишкой, и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на Шестые киевские курсы красных командиров.

В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал Шестой ротой Второго полка бригады курсантов на петлюровском фронте. А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом, – это на антоновщине.

Вышел я из армии в декабре 1924 года, потому что заболел.

Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время.

Потом я стал писать. Сначала я написал повесть «В дни поражений и побед». Когда я показал её писателю Федину, то он сказал мне: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Тогда я стал учиться. Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семёнов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе со мною всё написанное, объяснял, критиковал и помогал.

Лучшими своими книгами я считаю: «Р.В.С.», «Дальние страны», «Четвёртый блиндаж» и «Школу». В «Школе» очень много написано о том, как Борис Гориков, такой же, как я, мальчишка, попал на фронт и что он там видел, что он там делал и чему научился.

Худшая моя книга – это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная.

А писать надо только искренно, потому что, сколько ни подлаживайся, ни манерничай, умный читатель всегда угадает и не поверит.

В журнале «Пионер» печататься начал я недавно. Это, конечно, моя ошибка. Нужно было начать раньше. Журнал весёлый, боевой, с крепким читательским активом. По высказываниям ребят, по письмам в редакцию очень и очень полезно бывает проверять свою работу.

Как-то подошёл ко мне один мальчуган и говорит:

– Вот у вас в «Пионере» печатается повесть «Синие звёзды», а мне не нравится.

– Что же, – спрашиваю я, – тебе там не нравится?

– А то не нравится, что прочёл я первый номер журнала, а что дальше с Кирюшкой будет – этого я не знаю.

– А хочется узнать?

– Очень, – откровенно сознался он. – Вот всё хожу и думаю: что же такое дальше будет? Хоть бы скорее второй номер выходил.

Улыбнулся я тогда и думаю: «Ну, это ещё не беда, если тебе так не нравится».

Устроила редакция «Пионера» мой творческий вечер, – тоже было неплохо, и услышал я для себя немало важного и полезного.

Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смычке, о пионерских отрядах и ещё много о чём другом.

И наконец, вы уже читаете в «Пионере» последнюю мою вещь, это «Синие звёзды». Прочтёте, пишите, как понравилась.

Что буду писать дальше – пока не знаю. Но, во всяком случае, постараюсь написать такую повесть, чтобы не стыдно было прочесть её и в том прекрасном будущем, что зовётся социализмом, в котором надеюсь долго прожить и я, а вы-то, ребята, проживёте и подавно.

1934

Обыкновенная биография

В Воронежском военном госпитале я пролежал три недели. Рана ещё не совсем зажила, но за последние дни прибывало много шахтёров с линии Миллерово – Луганск – Дебальцево. Мест не хватало.

Мне выдали пару белых грубых новых костылей, отпускной билет и проездной литер на родину.

Я надел новую гимнастёрку, брюки, шинель, полученные взамен прежних – рваных и запачканных кровью, – и подошёл к позолоченному полинялому зеркалу.

Я увидел высокого крепкого мальчугана в серой солдатской папахе, самого себя с обветренным, похудевшим лицом и серьёзными, но всё равно весёлыми глазами.

Полтора года прошло с тех пор, как, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое. Октябрь. Боевая дружина сормовских рабочих. Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, приём в партию, пуля под Новохопёрском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как лёгкое волнение слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притопывая белыми, свежими костылями, пошёл потихоньку на вокзал. Там спросил я у коменданта, когда идёт первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдёт на Восточный фронт санитарный порожняк, который довезёт меня до самого Арзамаса.

И ещё сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селёдку и махорку в двойном размере – как отпускнику-раненому.

Хлеб, сахар и селёдку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был ещё раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего ей сообщить не мог, потому что в то время полевых почтовых контор ещё не было, да если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш маленький отряд больше по тылам – сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, я не писал нарочно – чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только без толку расплачется и разволнуется.

Я, с опаской посмотрев на окна нашей квартиры, зашагал во двор, радуясь тому, что окна заледенели и через них ничего не видать.

Стараясь не стучать, я поднялся по лестнице, осторожно отставил костыли в угол за шкаф и постучал в дверь.

За дверями послышался мелкий топот, и по пыхтению я понял, что это Танюша тужится, открывая крючок двери.

– Мама дома? – спросил я у не узнавшей меня сестрёнки.

– Нет! – ответила она, и испуганные глаза её блеснули слезёнками.

– А-ах... не-ет! – весело закричал я, подхватывая костыли и вваливаясь в комнату. – А-ах... нет! А ты без мамы и узнать меня не хочешь!

Я сбросил сумку, шинель и, усевшись на кровати, обнял не совсем ещё оправившуюся от испуга девчурку.

– Господи, Борька!.. Ну, Борька!.. Ну, какой ты ужасный солдат! Ну, как папа был солдат, так и ты солдат... – стрекотала Танюшка. И, целуя меня, она добавила протяжно и уко-

ризненно: – Бо-о-орька! Борька! И что ты так давно не писал, а уже мама думала, думала. И я тоже думала, думала. Да вот! Когда она сейчас с базара придёт – всё сама расскажет.

Я огляделся. Всё стояло на старом месте – и шкаф, и кровать, и старый треногий диван. Я посмотрел на стену – там было новое.

Прямо со стены глядел на меня большой портрет отца – в такой же, как у меня, серой папаше и в такой же шинели, и был тот портрет обведён траурной каймой из красной и чёрной материи.

– Это тебя на войне убили? – спросила Танюшка, осторожно дотрагиваясь пальцем до костыля.

– На войне! – рассмеялся я и сунул костыли под кровать.

– А у нас, Борька, горе какое! Ну такое горе! Такое горе! – И сестра грустно посмотрела на меня.

– Какое ещё горе? – встревоженно спросил я, пододвигая её к себе.

– А такое горе, что Лизочка уже умерла!

– Какая ещё Лизочка? – спросил я, вспоминая и перебирая в памяти всю весёлую ораву моих двоюродных сестричек, живших в деревне неподалёку от Арзамаса.

– Как – какая? – И Танюшка подняла на меня печальные и изумлённые глаза. – А наша-то Лизка – кошка такая. Помнишь? Да она-то ещё один раз с печки спрыгнула и молоко опрокинула. Ну, вспомнил теперь?..

– Вспомнил, Танюша!

Пришла мать. Распахнув дверь, она остановилась. Внимательно посмотрела на меня. Поставила на пол корзину и, подойдя, крепко обняла меня. Сбросила платок, холодными от мороза руками взяла мою голову, посмотрела мне в лицо и сказала дрогнувшим голосом:

– Похудел. Побледнел. А вырос-то, а вырос-то! Да встань ты с кровати! Дай я на тебя посмотрю.

– Мне, мама, неохота с кровати вставать, – отказался я. – Я бы, пожалуй... да у меня нога немного побаливает.

– Отчего побаливает? – И мать подозрительно посмотрела вокруг. – То-то я слышу, что йодоформом пахнет.

– А оттого побаливает, что ещё не зажила. То есть уже зажила, да ещё не совсем.

– Он с палками пришёл, – вмешалась Танюшка, вытягивая из-под кровати костыли. – Как пришёл, так под кровать их спрятал, а сам сидит!

– Ранен? – тихо спросила мать.

– Немножко, – ответил я. – Да ты не думай ничего, мама, всё прошло...

Мать провела рукой по моей бритой голове, и с минуту мы просидели молча. Потом она быстро встала, сдёрнула пальто и бросилась на кухню:

– Бог мой! Да ты, должно быть, голодный!.. Танюшка, беги скорей в сарай – тащи уголь! Сейчас самовар поставлю. И куда это я спички сунула?.. Борис, у тебя есть спички?.. Не куришь? Так, ну и хорошо! Да вот они! Ты бы сапоги снял и лёг. Дай я тебя разую...

Вскоре зашипел самовар. Запахло с кухни чем-то вкусным. Входила и выходила из комнаты раскрасневшаяся у плиты мать. Ровно тикали стенные часы, да колотила метелица в узорчатые морозные окна.

Лёгкая дрема охватила меня. Было тепло и мягко на старой кровати, укрытой знакомым стёганным одеялом. И вдруг показалось мне, что ничего не было: ни фронта, ни широких, далёких степей, ни отряда, ни боёв. Будто бы всё то же, что и раньше. Вот она, настенная полка с учебниками. Вот в углу древняя картина, изображающая вечер, закат, счастливых жнецов, возвращающихся с поля. Через открытую дверь виднеется кипящий самовар на клеёнчатом столе – такой же неуклюжий, с конфоркой, похожей на старую шляпу, сбившуюся набок.

Я полузакрываю глаза...

В углу возится Танюшка, напевая древнюю баюкающую песенку – ту самую, которую я слышал от матери ещё в глубоком детстве:

На горе, го-о-ре
Петухи поют.
Под горой, горой
Озерцо с водой.

Как вода, вода
Всколыхнулася,
А мне, девице,
Да взгрустнулося.

И мне уже совсем начинает казаться, что ничего не было, что всё по-старому, по-школьному, по-давешнему.

– Борис! – кричит мне мать. – И соседей кликать?.. Боря, тебе чай в кровать дать? Или ты сюда придёшь?

Я вздрагиваю, и опять я вижу через смеженные веки свою шинель, папаху на вешалке и как тащат и ставят костыли у моего изголовья.

Так – всё было.

1930

У переправы

Наш батальон вступал в село.

Пыль походных колонн, песок, размётанный взрывами снарядов, пепел сожжённых немцами хат густым налётом покрывали шершавые листья кукурузы и спелые несобранные вишни.

Застигнутая врасплох немецкая батарея второпях ударила с пригорка по головной заставе зажигательными снарядами.

Огненные змеи с шипением пронеслись мимо. И тотчас же бледным, прозрачным на солнце пламенем вспыхнула соломенная кровля пустого колхозного сарая.

Прежде чем броситься на землю, секретарь полкового комсомола Цолак Купальян на одно-другое мгновение оглянулся: всё ли перед боем идёт своим установленным чередом и где сейчас находится комбат?

Командир батальона старший лейтенант Прудников был рядом, за углом хаты. Соскочив с коня и бросив поводья ординарцу, он уже приказывал четвёртой роте броском занять боевой рубеж, пятой – поддерживать огнём четвёртую, а шестой – усилить свой фланг и держаться к локтю пятой.

Дальше следовали приказы разведчикам, пулемётчикам, миномётчикам, взводам связи, связным от артиллерии.

И вот пошла четвёртая, пошла пятая.

Всё пошло – вернее, поползло по пшенице, по гречихе, головой в песок, лицом по траве, по земле, по сырому торфяному болоту.

Грохот усиливается.

Бьют вражеские миномёты. Горят хаты. Людей не видно. И поэтому сначала кажется, что среди этого разноголосого визга и грома никакого осмысленного порядка нет и быть не может.

Но вскоре оказывается, что свой незримый железный порядок у этого боя есть.

Вот в ложине спешно складывают свой тяжёлый груз и открывают огонь миномётчики.

С холма по картофельному полю, кубарем перекатываясь с боку на бок, тянет телефонный провод комсомолец Сергиенко. Радист ставит под густым орешником маленькую, похожую на ежа станцию.

Вдруг – ба-бах! – не туда поставил. Обжёгся, поёжился, перетащил ящик в канаву, нацепил наушники и что-то там накручивает, настраивает.

Четвёртая рота врывается на рубеж. Вот крайняя хата. Три минуты назад здесь был враг. Он убежал. В панике, в спешке. Ещё и сейчас внизу, меж кустами, перебегают вражеские солдаты. Один, два, три... пятнадцать... сорок! Стоп! Уже не сорок.

Взмокший пулемётчик с ходу рванул пулемёт, нажал на спуск «максима», и счёт разом изменился.

Хата. Сброшены на пол подушки, перины. Здесь они спали.

Стол. На столе тарелки, ложки, опрокинутая крынка молока. Здесь они жрали.

Настежь открытый сундук, скомканное бельё. Вышитое петушками полотенце. Детский валенок. Здесь они грабили.

Над сундуком в полстены жирным углем начерчен паучий фашистский знак.

Стены мирной хаты дрожат от взрывов, от горя и гнева. Бой продолжается. По пшенице быстро шагает чем-то взволнованный начальник штаба батальона Шульгин.

Вдруг он приседает. Потом поднимается, недоуменно смотрит на свою ногу. Нога цела, но голенище сапога срезано осколком. Он спрашивает:

– Где комбат? Прудникова не видали? Он сейчас был там.

«Там», за пригорком, где только что был командный пункт, миной взорван сарай, он раскидан и горит, поджигая вокруг колосья густой пшеницы.

На лице начальника штаба тревога за своего комбата. Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии.

Это он, когда, надрывая душу, надсадно, угрожающе, запугивающе запели, заныли немецкие трубы, пугая атаками, на вопрос командира полка по телефону: «Что это такое?» – сжав чуть оттопыренные губы, с усмешкой ответил:

– Всё в порядке, товарищ командир. Начинается музыка. Сейчас и я впишу пулемётами свою гамму.

С биноклем через шею, с простым пистолетом «ТТ» в кобуре внезапно возникает из-за дыма целый и невредимый комбат.

Ему рады. На вопросы о себе он не отвечает и приказывает:

– Переходим на оборону. Здесь у врага большие силы. Дайте мне связь с артиллерией. Всем командирам рот прочно окопаться.

По торфяному полю опять тянет провод Сергиенко. Вот он упал, но не ранен. Он устал. Он уткнулся лицом в мокрый торф и тяжело дышит. Вот он поворачивает голову и видит, что совсем рядом перед ним, перед его губами, – воронка от взрыва мины и, как на дне блюдечка, скопилось в ней немного воды. Он наклоняет голову, пьёт жадно, потом поднимает покрытое бурым торфом лицо и ползёт с катушкой дальше.

Через несколько минут связь с полком налажена. Поступает приказание: «Немедленно переходите...»

И вдруг приказ обрывается. Комбат сурово смотрит на Купаляна: куда переходить?

На этом фронте, слева и впереди нас, ведётся бой. Идёт сражение большого масштаба, борьба за узловый город. Может быть, приказ означает: «Немедленно переходите в атаку на превосходящие силы противника»?

Тогда командиров бросить вперёд. Коммунистов и комсомольцев тоже вперёд. Собрать всю волю в кулак и наступать.

Комбат отдаёт последнее распоряжение...

Вдруг связь опять заработала. Оказывается, что приказ гласит: «Немедленно выходите из боя. Перейти вброд реку и занять высоту 165».

Красноармеец-связист опять хочет пить. Он забегает в крайнюю хату.

Он видит развал, погром.

Он видит паучий крест на стене.

Он плюёт на него.

Зачёркивает углем. И быстро чертит свою красноармейскую звезду.

Батальон собирается у брода.

На берегу, на полотнищах палаток, лежат ожидающие переправы раненные. Вот один из них открывает глаза. Он смотрит, прислушивается к нарастающему гулу и спрашивает:

– Товарищи, а вы меня перенесёте?

– Милый друг, это, спасая тебя, бьют до последней минуты, прижимая врага к земле, полуоглохшие миномётчики.

– Слышишь? Это, обеспечивая тебе переправу, за девять километров открыли свой могучий заградительный огонь батареи из полка резервов главного командования. Мы перейдём реку спокойно. Хочешь закурить? Нет! Тогда закрой глаза и пока молчи. Ты будешь здоров, и ты ещё увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу.

1941

Действующая армия

Арк. Заидов

Рассказы

Рисунки А. Рытман

Голубая чашка

Мне тогда было тридцать два года. Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной. Только в конце лета я получил отпуск, и на последний тёплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать верёвки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам всё это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим всё новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день к вечеру наконец-то всё было сделано. И как раз когда собирались мы втроем идти гулять, пришёл к Марусе её товарищ – полярный лётчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и леглась спать, а сама пошла проводить лётчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили её кипятком – получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили её и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребятишки.

Потом выскочила из чёрных сеней босоногая сторбленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по конфорке самовара, чтобы он закипел быстрее.

Посмеялись мы и думаем: вот подует ветер, закружится, зажужжит наша быстрая вертушка. Ото всех дворов сбегутся к нашему дому ребятишки. Будет и у нас тогда своя компания. А завтра что-нибудь ещё придумаем.

Может быть, выроем глубокую пещеру для той лягушки, что живёт в нашем саду, возле сырого погреба.

Может быть, попросим у Маруси суровых ниток и запустим бумажного змея – выше силосной башни, выше жёлтых сосен и даже выше того коршуна, который целый день сегодня сторожил с неба хозяйских цыплят и крольчат.

А может быть, завтра с раннего утра сядем в лодку – я на вёсла, Маруся за руль, Светлана пассажиром – и уплывём по реке туда, где стоит, говорят, большой лес, где растут на берегу две дуплистые берёзы, под которыми нашла вчера соседская девчонка три хороших белых гриба. Жаль только, что все они были червивые.

Вдруг Светлана потянула меня за рукав и говорит:

– Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мама идёт, и как бы нам с тобой сейчас не попало.

И правда, идёт по тропинке вдоль забора наша Маруся, а мы-то думали, что вернётся она ещё не скоро.

– Наклонись, – сказал я Светлане. – Может быть, она и не заметит.

Но Маруся сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула:

– Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи.

– Маруся, – ответил я, – мы не балуем, мы вертушку приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

– Завтра доколоти! – приказала Маруся. – А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы со Светланой. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Марусю обиделись.

И хотя Маруся принесла со станции Светлане большое яблоко, а мне пачку табаку, – всё равно обиделись.

Так с обидой и уснули.

А утром – ещё новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает:

– Лучше сознавайтесь, озорной народ, что в чулане мою голубую чашку разбили!

А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже. Посмотрели мы с ней друг на друга и подумали оба, что уж это на нас Маруся говорит совсем напрасно.

Но Маруся нам не поверила.

– Чашки, – говорит она, – не живые: ног у них нет. На пол они прыгать не умеют. А кроме вас двоих, в чулан никто вчера не лазил. Разбили – и не признаётся. Стыдно, товарищи!

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город, а мы сели и задумались.

Вот тебе и на лодке поехали!

И солнце к нам в окна заглядывает. И воробьи по песчаным дорожкам скачут. И цыплята сквозь деревянный плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают.

А нам совсем не весело.

– Что ж! – говорю я Светлане. – С крыши нас с тобой вчера согнали. Банку из-под керосина у нас недавно отняли. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве же это хорошая жизнь?

– Конечно, – говорит Светлана, – жизнь совсем плохая.

– А давай-ка, Светлана, надень ты своё розовое платье. Возьмём мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твоё яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдём из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

– А куда твои глаза глядят?

– А глядят они, Светлана, через окошко, вот на ту жёлтую поляну, где пасётся хозяйская корова. А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе берёзовая роща. А что там, за горой, уж этого я и сам не знаю.

– Ладно, – согласилась Светлана, – возьмём и хлеб, и яблоко, и табак, а только захвати ты с собой ещё толстую палку, потому что где-то в той стороне живёт ужасная собака Полкан. И говорили мне про неё мальчишки, что она одного чуть-чуть до смерти не заела.

Так мы и сделали. Положили в сумку что надо было, закрыли все пять окон, заперли обе двери, а ключ подсунили под крыльцо.

Прощай, Маруся! А чашки твоей мы всё равно не разбивали.

Вышли мы за калитку, а навстречу нам молочница.

– Молока надо?

– Нет, бабка! Нам больше ничего не надо.

– У меня молоко свежее, хорошее, от своей коровы, – обиделась молочница. – Вернётесь – так пожалеете.

Загромыхала она своими холодными бидонами и пошла дальше. А где ей догадаться, что мы далеко уходим и, может, не вернёмся!

Да и никто об этом не догадывался. Прокатил на велосипеде загорелый мальчишка. Прошагал, наверное в лес за грибами, толстый дядька в трусах и с трубкой. Прошла белокурая девица с мокрыми после купания волосами. А знакомых мы никого не встретили.

Выбрались мы через огороды на жёлтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по тёплой тропинке пошли босиком через луг прямо на мельницу.

Идём мы, идём и вот видим, что от мельницы во весь дух мчится нам навстречу какой-то человек. Пригнулся он, а из-за ракитовых кустов летят ему в спину комья земли. Странно нам это показалось. Что такое?

У Светланы глаза зоркие, остановилась она и говорит:

– А я знаю, кто это бежит. Это мальчишка, Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в сад на помидорные грядки залезли. Он вчера ещё против нашей дачи на чужой козе верхом катался. Помнишь?

Добежал до нас Санька, остановился и слёзы ситцевым кульком вытирает. А мы спрашиваем у него:

– Почему это, Санька, ты во весь дух мчался и почему это за тобой из-за кустов комья летели?

Отвернулся Санька и говорит:

– Меня бабка в колхозную лавку за солью послала. А на мельнице сидит пионер Пашка Букамашкин, и он меня драть хочет.

Посмотрела на него Светлана. Вот так дело!

Разве же есть в Советской стране такой закон, чтобы бежал человек в колхозную лавку за солью, никого не трогал, не задирал и вдруг бы его ни с того ни с сего драть стали?

– Идём с нами, Санька, – говорит Светлана. – Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.

Пошли мы втроём сквозь густой ракитник.

– Вот он, Пашка Букамашкин, – сказал Санька и попятился.

Видим мы – стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зёрна. А на кучке песка сидит без рубахи Пашка Букамышкин и грызёт свежий огурец. Увидал нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

– Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идёт сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист! Мы с тобою ещё разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

– Постой, Пашка, – сказал я. – Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец? Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

– Всё равно белогвардеец, – упрямо повторил Пашка. – А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на брёвна, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

– Ты тогда уже всё рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

– Есть в Германии город Дрезден, – спокойно сказал Пашка, – и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и ещё один из посёлка. Берта бьёт палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли...

– Прямо по макушке стукнула, – сказал Санька из-за телеги. – У меня голова загудела, а она ещё смеётся.

– Ну вот, – продолжал Пашка, – стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на неё с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове – и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмёт нашагнёт лишний шаг, да и метит чижом прямо в кон.

– Врёшь, врешь! – выскочил из-за телеги Санька. – Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.

– А ты не с собакой играешь, а с нами. Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву неохота... Перелез через забор и орёт оттуда: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта «дуру» по-русски уже хорошо понимает, а «жидовку» ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое – жидовка?» А мне и сказать совестно. Я кричу: «Замолчи, Санька!» А он нарочно всё громче и громче кричит. Я – за ним через забор. Он – в кусты. Так и скрылся. Вернулся я – гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу на брёвнах. Я зову: «Берта!» Она не отвечает. Подошёл я – вижу, на глазах у неё слёзы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: «Ну погоди, проклятый Санька! Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!»

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то ещё собирались за тебя заступаться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева на крышу. Лошадь вскинула морду и дёрнула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:

– Но, но... Смотри не балуй, а то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне, – а может быть, он вовсе и не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего. Но тут Пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло, и пошло...

– Бой неподалёку! – вскрикнул Пашка.

– Бой неподалёку, – сказал и я. – Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемёт.

– А кто с кем? – дрогнувшим голосом спросила Светлана. – Разве уже война?

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка. Я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидели Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.

– Ишь ты, как козёл скачет! – пробормотал Пашка. – А чем этот дурак над головой размахивает?

– Это не дурак. Это он мои сандалии тащит! – радостно закричала Светлана. – Я их на брёвнах позабыла, а он нашёл и мне их несёт. Ты бы с ним помирился, Пашка!

Пашка насупился и ничего не ответил. Мы подождали Саньку, взяли у него жёлтые Светланины сандалии. И теперь уже вчетвером, с собакой, прошли через рощу на опушку.

Перед нами раскинулось холмистое, поросшее кустами поле. У ручья, позвякивая жестяными бубенчиками, щипала траву привязанная к колышку коза. А в небе плавно летал одинокий коршун. Вот и всё. И больше никого и ничего на этом поле не было.

– Так где же тут война? – нетерпеливо спросила Светлана.

– А сейчас посмотри, – сказал Пашка и влез на пенёк.

Долго стоял он, щурясь от солнца и закрывая глаза ладонью. И кто его знает, что он там видел, но только Светлане ждать надоело, и она, путаясь в траве, пошла сама искать войну.

– Мне трава высокая, а я низкая, – приподнимаясь на цыпочках, пожаловалась Светлана. – И я совсем ничего не вижу.

– Смотри под ноги, не задень провод, – раздался сверху громкий голос.

Мигом слетел с пенёка Пашка. Неуклюже отскочил в сторону Санька. А Светлана бросилась ко мне и крепко схватила меня за руку.

Мы попятились и тут увидели, что прямо над нами, в густых ветвях одинокого дерева, притаился красноармеец.

Винтовка висела возле него на суку. В одной руке он держал телефонную трубку и, не шевелясь, глядел в блестящий чёрный бинокль куда-то на край пустынного поля.

Ещё не успели мы промолвить слова, как издалека, словно гром с перекатами и перегулами, ударил страшный орудийный залп. Вздогнула под ногами земля. Далеко от нас поднялась над полем целая туча чёрной пыли и дыма. Как сумасшедшая подпрыгнула и сорвалась с мочальной верёвки коза. А коршун вильнул в небе и, быстро-быстро махая крыльями, умчался прочь.

– Плохо дело фашистам! – громко сказал Пашка и посмотрел на Саньку. – Вот как бьют наши батареи.

– Плохо дело фашистам, – как эхо, повторил хриплый голос.

И тут мы увидели, что под кустом стоит седой бородатый старик.

У старика были могучие плечи. В руках он держал тяжёлую суковатую дубинку, а у его ног стояла высокая лохматая собака и скалила зубы на поджавшего хвост Пашкиного Шарика.

Старик приподнял широченную соломенную шляпу, важно поклонился сначала Светлане, потом уже всем нам. Потом он положил дубинку на траву, достал кривую трубку, набил её табаком и стал раскуривать.

Он раскуривал долго, то приминая табак пальцем, то ворочая его гвоздём, как кочергой в печке.

Наконец раскурил и тогда так запыхтел и задымил, что сидевший на дереве красноармеец зачихал и кашлянул.

Тут снова загрохотала батарея, и мы увидели, что пустое и тихое поле разом ожило, зашумело и зашевелилось. Из-за кустарника, из-за бугров, из-за канав, из-за кочек – отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.

Они бежали, прыгали, падали, поднимались снова. Они сдвигались, смыкались, их становилось всё больше и больше; наконец с громкими криками всей громадой они ринулись в штыки на вершину пологого холма, где ещё дымилось облако пыли и дыма.

Потом всё стихло. С вершины замахал флагами еле нам заметный и точно игрушечный сигналист. Резко заиграла «отбой» военная труба.

Обламывая тяжёлыми сапогами сучья, слез красноармеец-наблюдатель с дерева. Быстро погладил Светлану, сунул ей в руку три блестящих жёлудя и торопливо убежал, сматывая на катушку тонкий телефонный провод.

Военное учение закончилось.

– Ну, видал? – подталкивая Саньку локтем, укоризненно сказал Пашка. – Это тебе не чижом по затылку. Тут вам быстро пособьют макушки.

– Странные я слышу разговоры, – двигаясь вперёд, сказал бородатый старик. – Видно, я шестьдесят лет прожил, а ума не нажил. Ничего мне не понятно. Тут, под горой, наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овёс, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моём участке появился хоть один фашист – при советской власти этого ещё не бывало ни разу. Подойди ко мне, Санька – грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой, ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Всё это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей... на вытаращившего глаза изумлённого Саньку.

– Неправда! – шмыгнув носом, завопил оскорблённый Санька. – Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, значит, и пружина фашистская. А он из неё для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».

– Надо без дранья мириться, – убеждённо сказала Светлана. – Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь! А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.

– Назад, Полкан! – крикнул сторож. – Ляжь на землю и своих не трогай!

– Ах, вот это кто! Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем:

– И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой и цветами. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:

– И мы свои, а своих не трогай!

Подозрительно потянул Полкан носом: не пахнет ли от хитрых мальчишек морковкой из колхозных огородов? Но тут, как нарочно, вздымая пыль, понёсся по тропинке шальной жеребёнок. Чихнул Полкан, так и не разобравши. Тронуть не тронул, но хвостом не вильнул и гладить не позволил.

– Нам пора, – спохватился я. – Солнце высоко, скоро полдень. Ух как жарко!

– До свидания! – звонко попрощалась со всеми Светлана. – Мы опять уходим далеко.

– До свидания! – дружно ответили уже помирившиеся ребяташки. – Приходите к нам опять издалека.

– До свидания, – улыбнулся глазами сторож. – Я не знаю, куда вы идёте и чего ищете, но только знайте: самое плохое для меня далеко – это налево у реки, где стоит наше старое сельское кладбище. А самое хорошее далеко – это направо, через луг, через овраги, где роют камень. Дальше идите перелеском, обогнёте болото. Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нём и грибы, и цветы, и малина. Там стоит на берегу дом. В нём живут моя дочь Валентина и её сын Фёдор. И если туда попадёте, то от меня им поклонитесь.

Тут чудной старик приподнял свою шляпу, свистнул собаку, запыхтел трубкой, оставляя за собой широкую полосу густого дыма, и зашагал к жёлтому гороховому полю.

Переглянулись мы со Светланой – что нам печальное кладбище! Взялись мы за руки и повернули направо, в самое хорошее далеко.

Перешли мы луга и спустились в овраги.

Видели мы, как из чёрных глубоких ям тащат люди белый, как сахар, камень. И не один какой-нибудь заваливающийся камешек. Навалили уже целую гору. А колёса всё крутятся, тачки скрипят. И ещё везут. И ещё наваливают.

Видно, немало всяких камней под землёй запрятано.

Захотелось и Светлане заглянуть под землю. Долго, лёжа на животе, смотрела она в чёрную яму. А когда оттащил я её за ноги, то рассказала она, что видела сначала только одну темноту. А потом разглядела под землёй какое-то чёрное море, и кто-то там в море шумит и ворочается. Должно быть, рыба акула с двумя хвостами: один хвост спереди, другой – сзади. И ещё почудился ей Страшила в триста двадцать пять ног. И с одним золотым глазом. Сидит Страшила и гудит.

Хитро посмотрел я на Светлану и спросил, не видала ли она там заодно пароход с двумя трубами, серую обезьяну на дереве и белого медведя на льдине.

Подумала Светлана, вспомнила. И оказывается, что тоже видала.

Погрозил я ей пальцем: ой, не врёт ли? Но она в ответ рассмеялась и со всех ног пустилась бежать.

Шли мы долго, часто останавливались, отдыхали и рвали цветы. Потом, когда тащить надоедало, оставляли букеты на дороге.

Я один букет бросил старой бабке в телегу. Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кулаком. Но потом увидала, улыбнулась и кинула с воза три больших зелёных огурца.

Огурцы мы подняли, вытерли, положили в сумку и весело пошли своей дорогой.

Встретили мы на пути деревеньку, где живут те, что пахнут землю, сеют в поле хлеб, сажают картошку, капусту, свёклу или в садах и огородах работают.

Встретили мы за деревней и невысокие зелёные могилы, где лежат те, что своё уже отсеяли и отработали.

Попалось нам дерево, разбитое молнией.

Наткнулись мы на табун лошадей, из которых каждая – хоть самому Будённому. Увидали мы и попа в длинном чёрном халате. Посмотрели ему вслед и подивились тому, что остались ещё на свете чудаки люди.

Потом забеспокоились мы, когда потемнело небо. Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упрямо вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец вырвалось и засверкало над огромной землёй ещё горячей и ярче.

Далеко позади остался наш серый домик с деревянной крышей.

И Маруся, должно быть, давно уже вернулась. Поглядела – нет. Поискала – не нашла. Сидит и ждёт, глупая!

– Папа! – сказала наконец уставшая Светлана. – Давай с тобой где-нибудь сядем и что-нибудь поедем.

Стали искать и нашли мы такую полянку, какая не каждому попадётся на свете.

С шумом распахнулись перед нами пышные ветви дикого орешника. Встала остриём к небу молодая серебристая ёлка. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое мая, – синие, красные, голубые, лиловые, – окружали ёлку душистые цветы и стояли не шелохнувшись.

Даже птицы не пели над той поляной – так было тихо.

Только серая дура ворона бухнулась с лёту на ветку, огляделась, что не туда попала, каркнула от удивления: «Карр... карр...» – и сейчас же улетела прочь к своим поганым мусорным ямам.

– Садись, Светлана, стереги сумку, а я схожу и наберу в фляжку воды. Да не бойся: здесь живёт всего только один зверь – длинноухий заяц.

– Даже тысячи зайцев я и то не боюсь, – смело ответила Светлана, – но ты приходи поскорее всё-таки.

Вода оказалась не близко, и, возвращаясь, я уже беспокоился о Светлане.

Но она не испугалась и не плакала, а пела.

Я спрятался за кустом и увидел, что рыжеволосая толстая Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч, и с воодушевлением распевала такую только что сочинённую песню:

Гей!.. Гей!..
Мы не разбивали голубой чашки.
Нет!.. Нет!..
В поле ходит сторож полей.
Но мы не лезли за морковкой в огород.
И я не лазила, и он не лез.
А Санька один раз в огород лез.
Гей!.. Гей!..
В поле ходит Красная Армия.
(Это она пришла из города.)
Красная Армия – самая красная,
А белая армия – самая белая.
Тру-ру-ру! Тра-та-та!
Это барабанщики,
Это лётчики,
Это барабанщики летят на самолётах.
И я, барабанщица, здесь стою.

Молча и торжественно выслушали эту песню высокие цветы и тихо закивали Светлане своими пышными головками.

– Ко мне, барабанщица! – крикнул я, раздвигая кусты. – Есть холодная вода, красные яблоки, белый хлеб и жёлтые пряники. За хорошую песню ничего не жалко.

Чуть-чуть смутилась Светлана. Укоризненно качнула головой и, совсем как Маруся прищурив глаза, сказала:

– Спрятался и подслушивает. стыдно, дорогой товарищ!

Вдруг Светлана притихла и задумалась.

А тут ещё, пока мы ели, вдруг спустился на ветку серый чиж и что-то такое зачирикал.

Это был смелый чиж. Он сидел прямо напротив нас, подпрыгивал, чирикал и не улетал.

– Это знакомый чиж, – твёрдо решила Светлана. – Я его видела, когда мы с мамой качались в саду на качелях. Она меня высоко качала. Фють!.. Фють!.. И зачем он к нам прилетел так далеко?

– Нет! Нет! – решительно ответил я. – Это совсем другой чиж. Ты ошиблась, Светлана. У того чижа на хвосте не хватает перьев, которые выдрала ему хозяйкина одноглазая кошка. Тот чиж потолще, и он чирикает совсем не таким голосом.

– Нет, тот самый! – упрямо повторила Светлана. – Я знаю. Это он за нами прилетел так далеко.

– Гей, гей! – печальным басом пропел я. – Но мы не разбивали голубой чашки. И мы решили уйти насовсем далеко.

Сердито чирикнул серый чиж. Ни один цветок из целого миллиона не качнулся и не кивнул головой. И нахмурившаяся Светлана строго сказала:

– У тебя не такой голос. И люди так не поют. А только медведи.

Молча собрались мы. Вышли из рощи. И вот, мне на счастье, засверкала под горой прохладная голубая река.

И тогда я поднял Светлану. И когда она увидела песчаный берег, зелёные острова, то позабыла всё на свете и, радостно захлопав в ладоши, закричала:

– Купаться! Купаться! Купаться!

Чтобы сократить путь, мы пошли к речке напрямик через сырые луга.

Вскоре мы оказались перед густыми зарослями болотного кустарника. Возвращаться нам не хотелось, и мы решили как-нибудь пробраться. Но чем дальше мы продвигались, тем крепче стягивалось вокруг нас болото.

Мы кружили по болоту, поворачивали направо, налево, перебирались по хлюпким жёрдочкам, прыгали с кочки на кочку. Промокли, измазались, но согреться не могли никак.

А где-то совсем неподалёку за кустами ворочалось и мычало стадо, щёлкал кнутом пастух и сердито лаяла почуявшая нас собачонка. Но мы не видели ничего, кроме ржавой болотной воды, гнилого кустарника и осоки.

Уже тревога выступила на веснушчатом лице притихшей Светланки. Чаше и чаще она оборачивалась, заглядывая мне в лицо с молчаливым упрёком: «Что ж это, папка? Ты большой, сильный, а нам совсем плохо!»

– Стой здесь и не сходи с места! – приказал я, поставив Светлану на клочок сухой земли.

Я завернул в чашу, но в той стороне оказалась только переплетённая жирными болотными цветами зелёная жижа.

Я вернулся и увидел, что Светлана вовсе не стоит, а осторожно, придерживаясь за кусты, пробирается мне навстречу.

– Стой, где поставили! – резко сказал я.

Светлана остановилась. Глаза её замигали и губы дёрнулись.

– Что же ты кричишь? – дрогнувшим голосом тихо спросила она. – Я босая, а там лягушки – и мне страшно.

И очень жалко стало мне тогда попавшую из-за меня в беду Светланку.

– На, возьми палку, – крикнул я, – и бей их, негодных лягушек, по чему попало! Только стой на месте! Сейчас переберёмся.

Я опять свернул в чашу и рассердился. Что это? Разве сравнить это поганое болотце с бескрайними камышами широкого Приднепровья или с угрюмыми плавнями Ахтырки, где громили и душили мы когда-то белый врангелевский десант!

С кочки на кочку, от куста к кусту. Раз – и по пояс в воду. Два – и захрустела сухая осина. Вслед за осинкой полетело в грязь и трухлявое бревно. Тяжело хлюпнулся туда же гнилой пенёк. Вот и опора. Вот ещё одна лужа. А вот он и сухой берег.

И, раздвинув тростник, я очутился возле испуганно подскочившей козы.

– Эге-гей! Светлана! – закричал я. – Ты стоишь?

– Эге-гей! – тихо донёсся из чащи жалобный тоненький голос. – Я сто-о-ю!

Мы выбрались к реке. Мы счистили всю грязь и тину, которые облепили нас со всех сторон. Мы выполоскали одежду, и, пока она сохла на раскалённом песке, мы купались.

И все рыбы с ужасом умчались прочь в свою глубокую глубину, когда мы с хохотом взбивали сверкающие пенистые водопады.

И чёрный усатый рак, которого я вытащил из его подводной страны, ворочая своими круглыми глазами, в страхе забился и запрыгал: должно быть, впервые увидел самое нестерпимо яркое солнце и такую нестерпимо рыжую девчонку. И тогда, изловчившись, он злобно хватил Светлану за палец. С криком отбросила его Светлана в самую середину гусиного стада. Шарахнулись в стороны глупые толстые гусята.

Но подошёл сбоку старый серый гусь. Много он видал и пострашней на свете. Скосил он голову, посмотрел одним глазом, клюнул – тут ему, раку, и смерть пришла.

...Но вот мы выкупались, обсохли, оделись и пошли дальше.

И опять нам всякого по пути попадалось немало: и люди, и кони, и телеги, и машины, и даже серый зверь – ёж, которого мы прихватили с собой. Да только он скоро наколот нам руки, и мы его столкнули в студёный ручей.

Фыркнул ёж и поплыл на другой берег. «Вот, – думает, – безобразники! Поищи-ка теперь отсюда свою нору».

И вышли мы наконец к озеру.

Здесь-то и кончалось самое далёкое поле колхоза «Рассвет», а на том берегу уже расстилались земли «Красной зари».

Тут мы увидели на опушке бревенчатый дом и сразу же догадались, что здесь живёт дочь сторожа Валентина и её сын Фёдор. Мы подошли к ограде с той стороны, откуда караулили усадьбу высокие, как солдаты, цветы подсолнухи.

На крыльце, в саду, стояла сама Валентина. Была она высокая, широкоплечая, как и её отец, сторож. Ворот голубой кофты был распахнут. В одной руке она держала половую щётку, а в другой – мокрую тряпку.

– Фёдор! – строго кричала она. – Ты куда, негодник, серую кастрюлю задевал?

– Во-на! – раздался из-под малины важный голос, и белобрысый Фёдор показал на лужу, где плавала гружённая щепками и травой кастрюля.

– А куда, бесстыдник, решето спрятал?

– Во-на! – всё так же важно ответил Фёдор и показал на придавленное камнем решето, под которым что-то ворочалось.

– Вот погоди, атаман!.. Придешь домой, я тебя мокрой тряпкой приглажу, – пригрозила Валентина и, увидав нас, одёрнула подоткнутую юбку.

– Здравствуйте! – сказал я. – Вам отец шлёт поклон.

– Спасибо, – отозвалась Валентина. – Заходите в сад, отдохните.

Мы прошли через калитку и улеглись под спелой яблоней.

Толстый сын Фёдор был только в одной рубашке, а перепачканные глиной мокрые штаны валялись в траве.

– Я малину ем, – серьёзно сообщил нам Фёдор. – Два куста объел. И ещё буду.

– Ешь на здоровье, – пожелал я. – Только смотри, друг, не лопни.

Фёдор остановился, потыкал себя кулаком в живот, сердито взглянул на меня и, захватив свои штаны, вперевалку пошёл к дому.

Долго мы лежали молча. Мне показалось, что Светлана уснула. Я повернулся к ней и увидел, что она вовсе не спит, а затаив дыхание, смотрит на серебристую бабочку, которая тихонько ползёт по рукаву её розового платья.

И вдруг раздался мощный рокочущий гул, воздух задрожал, и блестящий самолёт, как буря, промчался над вершинами тихих яблонь.

Вздрыгнула Светлана, вспорхнула бабочка, слетел с забора жёлтый петух, с криком промелькнула поперёк неба испуганная галка – и всё стихло.

– Это тот самый лётчик пролетел, – с досадой сказала Светлана, – это тот, который приходил к нам вчера.

– Почему же тот? – приподнимая голову, спросил я. – Может быть, это совсем другой.

– Нет, тот самый. Я сама вчера слышала, как он сказал маме, что он улетает завтра далеко и насовсем. Я ела красный помидор, а мама ему ответила: «Ну, прощайте. Счастливого пути...» Папка, – усаживаясь мне на живот, попросила Светлана, – расскажи что-нибудь про маму. Ну, например, как всё было, когда меня ещё не было.

– Как было? Да всё так же и было. Сначала день, потом ночь, потом опять день и ещё ночь...

– И ещё тысячу дней! – нетерпеливо перебила Светлана. – Ну, вот ты и расскажи, что в эти дни было. Сам знаешь, а притворяешься...

– Ладно, расскажу, только ты слезь с меня на траву, а то мне рассказывать тяжело будет. Ну, слушай!..

Было тогда нашей Марусе семнадцать лет. Напали на их городок белые, схватили они Марусиного отца и посадили его в тюрьму. А матери у ней давно уже не было, и осталась наша Маруся совсем одна...

– Что-то её жалко становится, – подвигаясь поближе, вставила Светлана. – Ну, рассказывай дальше.

– Накинула Маруся платок и выбежала на улицу. А на улице белые солдаты ведут в тюрьму и рабочих и работниц. А буржуи, конечно, белым рады, и всюду в ихних домах горят огни, играет музыка. И некуда нашей Марусе пойти, и некому рассказать ей про своё горе...

– Что-то уже совсем жалко, – нетерпеливо перебила Светлана. – Ты, папка, до красных скорее рассказывай.

– Вышла тогда Маруся за город. Луна светила. Шумел ветер. И раскинулась перед Марусей широкая степь...

– С волками?

– Нет, без волков. Волки тогда от стрельбы все по лесам попрятались. И подумала Маруся: «Убегу я через степь в город Белгород. Там стоит Красная Армия товарища Ворошилова. Он, говорят, очень храбрый. И если попросить, то, может быть, и поможет».

А того не знала глупая Маруся, что не ждёт никогда Красная Армия, чтобы её просили. А сама она мчится на помощь туда, где напали белые. И уже близко от Маруси продвигаются по степи наши красноармейские отряды. И каждая винтовка заряжена на пять патронов, а каждый пулемёт – на двести пятьдесят.

Ехал я тогда по степи с военным дозором. Вдруг мелькнула чья-то тень и сразу – за бугор. «Ага! – думаю. – Стой, белый разведчик. Дальше не уйдёшь никуда».

Ударил я коня шпорами. Выскочил за бугор. Гляжу – что за чудо: нет белого разведчика, а стоит под луной какая-то девчонка. Лица не видно, и только волосы по ветру развеваются.

Соскочил я с коня, а наган на всякий случай в руке держу. Подошёл и спрашиваю: «Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?»

А луна вышла бо-ольшая, большущая! Увидала девчонка на моей папaxe красноармейскую звезду, обняла меня и заплакала.

Вот тут-то мы с ней, с Марусей, и познакомились.

А под утро из города белых мы выбили. Тюрьмы раскрыли и рабочих выпустили.

Вот лежу я днём в лазарете. Грудь у меня немного прострелена. И плечо болит: когда с коня падал, о камень ударился.

Приходит ко мне мой командир эскадрона и говорит:

«Ну, прощай, уходим мы дальше за белыми. На тебе в подарок от товарищей хорошего табаку и бумаги, лежи спокойно и скорее выздоравливай».

Вот и день прошёл. Здравствуй, вечер! И грудь болит, и плечо ноет. И на сердце скучно. Скучно, друг Светлана, одному быть, без товарищей!

Вдруг раскрылась дверь, и быстро, бесшумно вошла на носках Маруся! И так я тогда обрадовался, что даже вскрикнул.

А Маруся подошла, села рядом и положила руку на мою совсем горячую голову и говорит: «Я тебя весь день после боя искала. Больно тебе, милый?»

А я говорю:

«Наплевать, что больно, Маруся. Отчего ты такая бледная?»

«Ты спи, – ответила Маруся. – Спи крепко. Я около тебя все дни буду».

Вот тогда-то мы с Марусей во второй раз встретились и с тех пор уж всегда жили вместе.

– Папка, – взволнованно спросила тогда Светлана, – это ведь мы не по правде ушли из дома? Ведь она нас любит. Мы только походим, походим и опять придём.

– Откуда ты знаешь, что любит? Может быть, тебя ещё любит, а меня уже нет.

– Ой, врѐ-ёшь! – покачала головой Светлана. – Я вчера ночью проснулась, смотрю, мама отложила книгу, повернулась к тебе и долго на тебя смотрит.

– Эко дело, что смотрит! Она и в окошко смотрит, на всех людей смотрит! Есть глаза, вот и смотрит.

– Ой нет! – убеждённо возразила Светлана. – Когда в окошко, то смотрит совсем не так, а вот как...

Тут Светлана вздёрнула тоненькие брови, склонила набок голову, поджала губы и равнодушно взглянула на проходящего мимо петуха.

– А когда любят, смотрят не так.

Как будто сияние озарило голубые Светланкины глаза, вздрогнули опустившиеся ресницы, и милый задумчивый Марусин взгляд упал мне на лицо.

– Разбойница! – подхватывая Светлану, крикнул я. – А как ты на меня вчера смотрела, когда разлила чернила?

– Ну, тогда ты меня за дверь выгнал, а выгнанные смотрят всегда сердито.

Мы не разбивали голубой чашки. Это, может быть, сама Маруся что-нибудь разбила. Но мы её простили. Мало ли кто на кого понапрасну плохое подумает? Однажды и Светлана на меня подумала. Да я и сам на Марусю плохое подумал тоже. И я пошёл к хозяйке Валентине, чтобы спросить, нет ли нам к дому дороги поближе.

– Сейчас муж на станцию поедет, – сказала Валентина. – Он вас довезёт до самой мельницы, а там уже и недалеко.

Возвращаясь в сад, я встретил у крыльца смущённую Светлану.

– Папа, – таинственным шёпотом сообщила она, – этот сын Фёдор вылез из малины и тянет из твоего мешка пряники.

Мы пошли к яблоне, но хитрый сын Фёдор, увидав нас, поспешно скрылся в гуще подзаборных лопухов.

– Фёдор! – позвал я. – Иди сюда, не бойся.

Верхушки лопухов закачались, и было ясно, что Фёдор решительно удаляется прочь.

– Фёдор! – повторил я. – Иди сюда. Я тебе все пряники отдам.

Лопухи перестали качаться, и вскоре из чащи донеслось тяжёлое сопение.

– Я стою, – раздался наконец сердитый голос, – тут без штанов, везде крапива.

Тогда, как великан над лесом, зашагал я через лопухи, достал сурового Фёдора и высыпал перед ним все остатки из мешка.

Он неторопливо подобрал всё в подол рубашки и, не сказав даже «спасибо», направился в другой конец сада.

– Ишь какой важный, – неодобрительно заметила Светлана, – снял штаны и ходит как барин!

К дому подкатила запряжённая парой телега. На крыльцо вышла Валентина:

– Собирайтесь, кони хорошие – домчат быстро.

Опять показался Фёдор. Был он теперь в штанах и, быстро шагая, тащил за шиворот хорошенького дымчатого котёнка. Должно быть, котёнок привык к таким ухваткам, потому что он не вырывался, не мяукал, а только нетерпеливо вертел пушистым хвостом.

– На! – сказал Федор и сунул котёнка Светлане.

– Насовсем? – обрадовалась Светлана и нерешительно взглянула на меня.

– Берите, берите, если надо, – предложила Валентина. – У нас этого добра много. Фёдор! А ты зачем пряники в капустные грядки спрятал? Я через окно всё видела.

– Сейчас пойду ещё дальше спрячу, – успокоил её Фёдор и ушёл вперевалку, как важный косолапый медвежонок.

– Весь в деда, – улыбнулась Валентина. – Этакий здоровила. А всего только четыре года.

Мы ехали широкой ровной дорогой. Наступал вечер. Шли нам навстречу с работы усталые, но весёлые люди.

Прогрохотал в гараж колхозный грузовик.

Пропела в поле военная труба.

Звякнул в деревне сигнальный колокол.

Загудел за лесом тяжёлый-тяжёлый паровоз. Ту-у!.. Ту!.. Крутитесь, колёса, торопитесь, вагоны, дорога железная, длинная, далёкая!

И, крепко прижимая пушистого котёнка, под стук телеги счастливая Светлана распевала такую песню:

Чики-чики!
Ходят мыши.
Ходят с хвостами,
Очень злые.
Лезут всюду.
Лезут на полку.
Трах-тарарах!
И летит чашка.

А кто виноват?
Ну, никто не виноват.
Только мыши
Из чёрных дыр.
– Здравствуйте, мыши!
Мы вернулись.
И что же такое
С собой несём?..
Оно мяукает,
Оно прыгает
И пьёт из блюдечка молоко.
Теперь убирайтесь
В чёрные дыры,
Или оно вас разорвёт
На куски,
На десять кусков,
На двадцать кусков,
На сто миллионов
Лохматых кусков.

Возле мельницы мы спрыгнули с телеги.

Слышно было, как за оградой Пашка Букамышкин, Санька, Берта и ещё кто-то играли в чижа.

– Ты не жульничай! – кричал Берте возмущённый Санька. – То на меня говорили, а то сами нашагивают.

– Кто-то там опять нашагивает, – объяснила Светлана, – должно быть, сейчас снова поругаются. – И, вздохнув, она добавила: – Такая уж игра!

С волнением приближались мы к дому. Оставалось только завернуть за угол и подняться наверх.

Вдруг мы растерянно переглянулись и остановились.

Ни дырявого забора, ни высокого крыльца ещё не было видно, но уже показалась деревянная крыша нашего серого домика, и над ней с весёлым жужжанием крутилась наша роскошная сверкающая вертушка.

– Это мамка сама на крышу лазила! – взвизгнула Светлана и рванула меня вперёд.

Мы вышли на горку.

Оранжевые лучи вечернего солнца озарили крыльцо. И на нём в красном платье, без платка и в сандалиях на босу ногу стояла и улыбалась наша Маруся.

– Смейся, смейся! – разрешила ей подбежавшая Светлана. – Мы тебя всё равно уже простили.

Подошёл и я, посмотрел Марусе в лицо.

Глаза Маруси были карие, и смотрели они ласково. Видно было, что ждала она нас долго, наконец-то дождалась и теперь крепко рада.

«Нет, – твёрдо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки. – Это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже».

А потом был вечер. И луна и звёзды.

Долго втроем сидели мы в саду под спелой вишней, и Маруся нам рассказывала, где была, что делала и что видела.

А уж Светланкин рассказ затянулся бы, вероятно, до полуночи, если бы Маруся не спохватилась и не погнала её спать.

– Ну что?! – забирая с собой сонного котёнка, спросила меня хитрая Светланка. – А разве теперь у нас жизнь плохая?

Поднялись и мы.

Золотая луна сияла над нашим садом.

Прогремел на север далёкий поезд.

Прогудел и скрылся в тучах полуночный лётчик.

– А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!

1935

Дым в лесу

Моя мать училась и работала на большом новом заводе, вокруг которого раскинулись дремучие леса.

На нашем дворе в шестнадцатой квартире жила девочка. Звали её Феня. Её отец был лётчиком.

Однажды, когда Феня стояла на дворе и смотрела в небо, на неё напал незнакомый вор-мальчишка и вырвал из её рук конфету.

Я в это время сидел на крыше дровяного сарая и глядел на запад, где далеко за рекой Кальвой, как говорят, на сухих торфяных болотах, горел вспыхнувший позавчера лес.

То ли солнечный свет был слишком ярок, то ли пожар уже стих, но огня я не увидел, а разглядел только облачко белесоватого дыма, едкий запах которого доносился к нам до посёлка и мешал людям сегодня ночью спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.